

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

К.М. Труевцев

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Препринт WP14/2012/06

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2012

УДК 327
ББК 66.4(0)
Т78

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

Т78 **Труевцев, К. М.** Глобализация как политический процесс : препринт WP14/2012/06 [Текст] / К. М. Труевцев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 36 с. – 50 экз.

Работа посвящена описанию глобализации как политического процесса. Несмотря на существующие подходы к глобализации с экономических и социально-культурных позиций, в данной работе выбран политический фокус исследования, рассматривающий влияние глобализации на глобальные, региональные и местные политические структуры. В работе делается вывод о том, что наиболее значимым является влияние глобализации на вертикально организованные политические структуры (например, государства и политические партии). Это влияние практически неизбежно влечет за собой изменения – либо эволюцию, либо разрушение.

УДК 327
ББК 66.4(0)

Ключевые слова: глобализация, мировой порядок, государство, политические партии.

Труевцев К. М. – кандидат философских наук, доцент кафедры общей политологии факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ.

Материал препринта основан на докладе автора, сделанном на научном семинаре факультета прикладной политологии «Политическая теория и политический анализ» 20 ноября 2012 г.

Truevtsev, K. Globalization as a Political Process : Working paper WP14/2012/06 [Text] / K. Truevtsev ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 36 p. (in Russian).

This working paper is devoted to globalization as a political process. Although, according to its different descriptions, globalization may be regarded as either economic or socio-cultural or political process, here it is analyzed only as a political process. This analysis includes the influence of globalization on global, regional and local political structures. The author comes to a conclusion that the most critical influence of globalization is being posed on vertically organized political structures such as states and political parties. This influence almost inevitably leads to a change, either evolution or destruction.

Key Words: globalization, political structures, world order, state, political party.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Труевцев К. М., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Для понимания событий, происходящих сегодня в мире, представляется необходимым более глубокое осмысление понятия глобализации, в первую очередь тех ее специфических черт, которые оказывают значительное, нередко решающее воздействие на характер, глубину, внутреннюю структуру и даже скорость политических процессов, протекающих сегодня на внутривострановом, региональном и международном уровне.

Так же, как и ранее принятый для характеристики международных процессов термин «интернационализация», традиционно более понятный тем, кто привык оценивать их с позиций советской интерпретации марксизма, понятие глобализации изначально имело экономический смысл, пожалуй, даже более утилитарный по сравнению с первым.

Развитие понятия и развитие процесса

Термин «глобализация» впервые появился в статье «Глобализация рынков», которая принадлежала перу скончавшегося несколько лет назад профессора Гарвардской школы бизнеса Теодора Левита¹ и затрагивала процессы складывания глобальных рынков для глобально же стандартизированных продуктов, т. е. явление такого масштаба, которое раньше просто невозможно было себе представить.

В этом, чисто экономическом отношении, впрочем, глобализация выглядела в какой-то мере как логическое продолжение процесса интернационализации с том виде, в котором он был описан уже в «Экономических рукописях 1848 г.» и «Капитале» К. Маркса, а также в работах К. Каутского и В.И. Ленина, посвященных империализму. В последних анализировались процессы складывания мирового рынка, международ-

¹ Theodore Levitt The Globalization of Markets // Harvard Business Review. May 01. 1983. Справедливости ради следует, однако, упомянуть, что, обращая прежде всего внимание на глобализацию и стандартизацию мировых рынков, Т. Левит в этой программной статье выходит и на политико-философские по своему конечному значению обобщения: «Властная сила влечет мир в сторону конвергируемой общности, и эта сила – технология. Она пролетаризировала коммуникацию, транспорт и путешествия» (Цит. по публикации в The McKinsey Quarterly. Summer 1984. P. 1).

ного разделения труда и т. д., а также их политические последствия, включая «раздел мира»².

Этой логике в целом следовал и ряд других первичных работ, посвященных глобализации, которые появились в 80-е годы XX в. Так, в книге японского ученого Кеничи Омаи “Triad Power”³ рассматривался глобальный рынок технологий, на котором господствовали в тот период США, Япония и Западная Европа.

Однако более поздние работы того же автора, опубликованные уже в 1990-е годы, демонстрируют не только расширение понятия «глобализация» с экономической еще и на политологическую сферу, но и выявление в этом процессе ряда аспектов, которые не фиксировались в ходе шедшего ранее (с середины XIX до последней четверти XX в.) процесса интернационализации. Прежде основной тенденцией было складывание и укрепление национальных государств (стремительно нараставшей начиная с итогов Первой мировой войны, принявшей глобальный характер с распадом колониальной системы и получившей относительное завершение с распадом СССР, Чехословакии и Югославии), а все международные организации, от ООН и военных блоков и до экономических союзов, носили наднациональный характер, не меняя принципиально политической структуры государственных образований. Глобализация же, начиная с последней декады XX в., стала подвергаться сомнению, более того, подрывать и снаружи, и изнутри самые, казалось бы, незыблемые основы национального государства как первичной основы существующего

² См., в частности, работу В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», где в числе признаков империализма называется такой: «Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоит лишь переделы». Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299–426. Сегодня мало кто, за исключением узких специалистов, вспоминает, что эта работа В.И. Ленина была ответом на вышедшую в 1910 г. работу Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал» (русское издание – М., 1924) и написанную в 1915 г. с опорой на содержащийся в этой работе политэкономический анализ работу Карла Каутского «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (русское издание – М., 1917), в которых, среди прочего, впервые со времен К. Маркса рассматривались вопросы интернационализации – процесса, который в начале XX в. приобрел уже практически глобальный размах, и на этом основании рассматривается некоторыми современными исследователями как предшествующая фаза глобализации. Однако отождествление двух понятий представляется в корне неверным, поскольку глобализация, являясь, конечно, продолжением процесса интернационализации, вместе с тем содержит совершенно новые черты, которые не были присущи мировым, региональным и страновым общественно-политическим структурам ни сто лет тому назад, ни даже в середине XX в.

³ Ohmae K. Triad Power. N.Y., 1985.

миропорядка⁴. Государство, замечает К. Омай, превращается в «ностальгическую фикцию»⁵.

При всем разбросе оценок в отношении способности национальных государств к дальнейшему поступательному развитию зафиксированная тенденция к их ослаблению, если не подрыву, является одной из принципиально новых политических черт, оказывающих воздействие как на характер и структуру государственных образований, так, в конечном итоге, и на структуру миропорядка в целом. Однако это лишь одна из черт глобализации, и сама по себе констатация упомянутой тенденции еще не раскрывает его внутренних механизмов.

На основании уже упомянутых и ряда других работ, где рассматривается этот процесс⁶, допустимо выдвинуть ряд промежуточных тезисов, касающихся содержания понятия «глобализация»:

1. Глобализация – продукт развития постиндустриального общества, возникающий на определенном, относительно продвинутом его этапе, когда постиндустриальные черты становятся определяющими по крайней мере для тех стран и регионов мира, где складывается основной вектор его исторического движения в финансово-экономическом и, хотя бы отчасти, в структурно-политическом отношении (в конце 1980 – начале 1990-х годов это, несомненно, были США, Западная Европа, Япония и Канада, позднее к ним присоединились «азиатские тигры», Китай, Индия, наиболее развитые страны Латинской Америки, прежде всего Бразилия, Чили, Мексика, отчасти Аргентина и Уругвай, а также хотя бы в одном отношении – в сфере организации и направлении мировых финансово-торговых потоков – Саудовская Аравия и другие страны – участники Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива). В настоящий момент процессом глобализации в той или иной степени охвачено подавляющее число стран мира, вопрос, однако, заклю-

⁴ Ohmae K. The Borderless World. Power and Strategy in Interlinked Economy. N.Y., 1990; Ohmae K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. L., 1995.

⁵ Ohmae K. The End... Op. cit. P. 12.

⁶ Среди работ, посвященных глобализации, прежде всего выделяется книга Роланда Робертсона «Глобализация: социальная теория и глобальная культура» (Globalization: Social Theory and Global Culture, 1992), которая и в контексте настоящего исследования имеет особое значение, поскольку Р. Робертсон обращает внимание на общественно-политические и цивилизационно-культурные аспекты этого процесса. Р. Робертсон обращает внимание на тот факт, что глобализация как концепт получила признание в академических кругах только в середине 80-х годов XX в. (Op. cit. P. 8).

чается в том, насколько та или иная страна и регион является субъектом, а не только объектом глобализации.

2. Развертывание глобализации, превращение ее из в основном финансово-экономического процесса в процесс структурно-политический совпадает по времени с практическим завершением мирового процесса становления национальных государств, которое происходило в форме распада мировой социалистической системы, включая внутренний распад СССР, Югославии и Чехословакии, на развалинах которых произошло становление исключительно национальных государств (подтверждением чему служат в том числе «спорные» и «непризнанные» государственные образования, такие как Косово, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах, а также процессы национально-этнической суверенизации в ряде стран Западной Европы). После завершения этого процесса количество наций и крупных этнических групп, лишенных оформления в виде национального государства, свелось к историческому минимуму. За исключением тропической Африки, где значительная часть обществ остается на доиндустриальной стадии развития, в основном это нации и этнические группы, входящие в состав описанной З. Бжезинским «дуги нестабильности». Последняя простирается от Индии до Балкан, включая в себя сердцевину исламского мира.

3. Совпадение развертывания глобализации с крушением мировой социалистической системы как одной из основных опорных конструкций бинарной организации миропорядка (так называемого «ялтинского мира»), просуществовавшего с 1945 по 1991 г.) не могло не придать мироустройству этого периода глобализации (1991 – 2006 гг.) черт однополярности с доминированием США.

4. Вместе с тем коренная, первичная причина того, что США стали в этот период лидером или, если угодно, вершиной мироустройства, заключается не в крушении СССР (бывшего, в свою очередь, следствием других, как внутренних, так и внешних причин и не в последнюю очередь результатом органической неспособности советской политической системы эволюционировать в соответствии с реалиями постиндустриальной эпохи), а в том, что именно США первыми вступили в постиндустриальную эпоху и первыми сумели воспользоваться ее качественными преимуществами. Поэтому от них прежде всего происходили, а в известной мере происходят и до сих пор наиболее мощные импульсы глобализации. Впрочем, последний, пока еще очень короткий период времени (начиная с середины первой декады XXI в.) дает некоторые сви-

детельства того, что США начинают утрачивать монопольное положение единственного эпицентра глобализации, а следовательно, фора, данная им в этом отношении историей, может оказаться близкой к исчерпанности.

Вернемся, однако, к первому тезису, поскольку именно он, на наш взгляд, и является ключевым для понимания основных черт глобализации и векторов ее развития.

Среди главных свойств постиндустриального общества, отличающих его от предшествующей, индустриальной стадии развития, теоретики⁷ выделяют в первую очередь такие, как интеллектуализация процесса производства и управления, а также самого конечного продукта; внедрение принципиально новых технологий, которые определяют гибкость и способность тиражировать не только количества, но и качества; превращение информации (и основанной на ней коммуникации) в ведущий фактор производства, обмена и всех других сфер общественной, в том числе политической жизни; соединение информации с новейшими технологиями, что превращает медийную сферу (СМИ, Интернет) в важнейший системообразующий фактор общественной, экономической и политической жизни.

Утверждение принципиально новых – гибких и «умных» технологий, органическое соединение их с каналами распространения информации превратили коммуникационную сферу в ведущий и определяющий фактор мирового развития. Именно это дало основание З. Бжезинскому назвать постиндустриальную эпоху «технетронной»⁸, а Э. Тоффлеру – «информационной»⁹. На этот же фактор обратил внимание и Т. Левит, указавший на «новые технологии» как на основную предпосылку складывания глобальных рынков.

Стоит, однако, упомянуть и о том, что еще за полтора десятилетия до него понятие «глобальный» в странном, как тогда казалось, сочетании «глобальная деревня» (“Global Village”) было использовано Г.М. Маклу-

⁷ На этом акцентировал внимание уже У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста». См.: Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. L., 1960.

⁸ Впервые понятие «технетронная эпоха» З. Бжезинский сформулировал и использовал в своей книге «Между двумя веками». См.: Brzezinsky Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. N.Y., 1971.

⁹ В основных произведениях Э. Тоффлера «Шок будущего» (1970), «Культурные потребители» (1973), «Третья волна» (1980) понятие информационного общества занимает центральное место.

эном в книге “Understanding Media”¹⁰, а затем и в книге, прямо так и названной: “War and Peace in the Global Village”¹¹. Причем использовано в совершенно определенном контексте: он трактовал крупные коммуникационные системы (в тот период это были телевидение и радио, позже к ним прибавились факсимильная связь, копирующая техника, мобильные телефоны и, наконец, синтезирующие все перечисленное компьютеры и Интернет) не только как «мирового посредника» (“global media”), но и как фактор, преобразующий мир, взрывающий межгосударственные, региональные и другие перегородки, снимающий временные и пространственные барьеры между странами и всеми без исключения регионами мира и моментально превращающие любое значимое событие в достояние всего мира. В этом смысле жители земного шара, участвующие в коммуникационном процессе, становятся непосредственными свидетелями (а очень часто и соучастниками) всего, что происходит в мире, снимаются любые препятствия к непосредственному общению между людьми – это и есть в понимании Г.М. Маклуэна «глобальная деревня». Такое представление о роли коммуникационных систем в современном мире дает возможность рассматривать их и как важнейшую предпосылку, и как главный действующий фактор глобализации.

Между тем за различными интерпретациями понятия глобализации стоит очевидная проблема ее разного толкования:

- 1) глобализация как экономический процесс (Т. Левит, ранний К. Омаи и др.);
- 2) глобализация как социокультурный и, если угодно, социодивизиационный процесс (Р. Робертсон и в известном смысле Г.М. Маклуэн¹²);
- 3) глобализация как политический процесс (поздний К. Омаи, З. Бжезинский в своих последних трех работах и др.).

В свою очередь, за этими тремя различными характеристиками процесса глобализации может проследиваться не только описание его раз-

¹⁰ McLuhan Herbert Marshal. Understanding Media, 1964.

¹¹ McLuhan Herbert Marshal. Peace and War in the Global Village, 1968. Примечательно, что и Р. Робертсон при разработке своей концепции глобализации ссылается именно на эту книгу Г.М. Маклуэна (Op. cit. P. 8), а также на его более ранние работы, где впервые появилось понятие глобальной деревни.

¹² Хотя Г.М. Маклуэн не употреблял термина «глобализация», именно его по уже объясненным причинам можно считать основоположником социодивизиационного толкования этого процесса, на что совершенно справедливо указывает тот же Р. Робертсон (См. Robertson R. Op. cit.).

личных сторон, но и определенная стадиальность: хотя все три стороны глобализации так или иначе могут проследиваться на разных ее стадиях, но все же в каждый из периодов развертывания процесса на первый план выходит одна из этих сторон.

Очевидно, что глобализация в своем первичном виде начала разворачиваться еще на этапе перехода наиболее развитых стран к постиндустриальному обществу в виде становления глобальных коммуникационных сетей, прежде всего радио и телевидения. И проявила себя в этот период прежде всего в социокультурном и социоцивилизационном аспекте: становлении массовой транснациональной культуры – кино, джаза, рока, шоу-бизнеса; массовой контркультуры – транснациональных протестных движений, первоначально направленных против существующего образа жизни как социального статус-кво (60–70-е годы XX в.). Однако уже на этом этапе она дала определенные политические выходы: в виде превращения протестных движений в антивоенные, появления массовых национальных и транснациональных экологических и правозащитных движений, существенным образом повлиявших на политический спектр и политическую структуру ряда ведущих стран мира. Следует отметить, что коммуникационный взрыв 60–70-х годов, правда, прежде всего на уровне радио, отчасти преодолел и преграды «железного занавеса» в плане распространения западной массовой культуры в пределы советского блока, что повлекло за собой и определенные политические выходы.

В 80-е годы XX в. глобализация разворачивалась прежде всего как экономический процесс в виде становления глобального рынка в его новой форме. Именно на этой стадии произошло совпадение развития глобализации с процессом перестройки, а затем крушения мировой социалистической системы, включая ее цитадель – СССР. И это уже само по себе можно считать также важнейшим политическим выходом этого этапа процесса глобализации, поскольку ликвидация мировой биполярности и относительная гомогенизация политического мироустройства стали политической предпосылкой в том числе и для взрывного развития глобализации как экономического процесса.

В свою очередь, начало 90-х годов можно считать отправной точкой развития глобализации как политического процесса, приведшего к тем результатам, которые мы имеем в плане структуры мироустройства на сегодняшний день и продолжающего оказывать дальнейшее далеко идущее воздействие как на глобальную политическую структуру, так и на политические структуры регионов и отдельных стран.

В данной работе глобализация рассматривается прежде всего как политический процесс, хотя при этом невозможно полностью отвлечься и от других ее составляющих.

Глобализация и конфигурация миропорядка

На первый взгляд может показаться, что моноцентрическое, однополярное мироустройство соответствует основному вектору и внутренней логике глобализации. Ломая страновые и региональные барьеры, создавая единую мировую систему коммуникации, рынка технологий, обмена и внедрения идей, обрекая всякую политическую, экономическую и духовную замкнутость на практически неминуемую стагнацию, она тем самым должна была закладывать основы нового, единого и вроде бы даже унифицированного миропорядка. К тому же процесс глобализации в последнем десятилетии XX в. сопровождался беспрецедентным и практически неконкурентным распространением либеральных ценностей и демократических форм политической организации, что создавало эффект почти повсеместной гомогенизации политических структур¹³ как непосредственной предпосылки упомянутой унификации¹⁴. При этом простейший логический ход мысли подсказывал тот достаточно линейный вывод, что такое мироустройство должно быть моноцентричным и что именно такая конфигурация миропорядка окажется наиболее прочной, устойчивой и долговечной.

Такой вывод, казалось бы, подтверждался и ходом политических событий. После крушения мировой социалистической системы или, если угодно, мировой советской империи, включая и сам Советский Союз, Соединенные Штаты самым ходом истории были выдвинуты на роль «мирового управляющего», оказавшись в положении единственного глобального центра силы, обладающего беспрецедентной технологической,

¹³ Поразительная синхронность, с которой развивалась перестройка в СССР с политическим процессом в Китае вплоть до жесткого подавления студенческого выступления на площади Тяньаньмэнь, создавала долго сохранявшееся впечатление, что демократизация в Китае, во многом аналогичная постсоветской, – всего лишь вопрос времени, причем не столь отдаленного. В этом случае такая унификация действительно принимала бы в этот период подавляюще глобальный характер.

¹⁴ Именно в этом смысле Ф. Фукуяма говорил о «конце истории». См.: Fukuyama Francis. *The End of History and the Last Man*, 1992.

экономической, финансовой, военной и политической мощью. К тому же последняя включала в себя и наличие в распоряжении США таких глобальных инструментов, как НАТО, основные ключи к управлению ООН, систему двусторонних и многосторонних союзов практически на всех континентах и, наконец, первенствующую роль в управлении мировыми коммуникационными системами.

Все эти инструменты остаются в распоряжении США и сегодня, и это означает, что проекция однополярного мира не утратила своего значения по сей день.

Вместе с тем, как показали события первого и уже начавшегося второго десятилетия нынешнего века, картина не выглядит столь однозначной.

Следует отметить, что еще в истекшем столетии ряд теоретиков постиндустриального общества и современной глобалистики отчетливо видели наряду с упомянутой тенденцией к унификации, единообразию и моноцентризму антиномичную ей тенденцию дискретности глобальных и локальных процессов, формирования мозаичной, пуантилистской картины современного мира.

Одним из первых на эту тенденцию обратил внимание Г.М. Маклуэн, рассматривая феномен телевизионного новостного потока, мозаичного как по технологии подачи новостей, так и по восприятию их телезрителями, явно показывая, что и то, и другое имманентно самой картине современной жизни¹⁵. Дискретность мирового процесса просматривается и в книге З. Бжезинского «Между двумя веками»¹⁶. С наибольшей настойчивостью эту сторону постиндустриального общества акцентировали теоретики постмодернизма, превратив ее в один из основных лейтмотивов своих построений. Отдельного упоминания заслуживает труд С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹⁷. Будучи полемическим ответом на книгу Ф. Фукуямы, он реабилитировал роль противоречия как движителя истории – но противоречия не между идеологиями и связанными с ними мировыми политическими системами, а между цивилизациями – и тем самым также противопоставлял множественность единообразию, плюрализм моноцентричности.

¹⁵ McLuhan G.M. Understanding Media.

¹⁶ Brzezinski Zbigniew. Between Two Ages: America's Role in Technetronic Era, 1970.

¹⁷ Huntington Samuel. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, 1996.

Все эти – вольные или невольные – констатации дискретности мирового процесса и полицентричности самого политического мира представляются отнюдь не случайными: уже в ходе начального этапа развертывания глобализации две противоположные тенденции стали проявлять себя во всей своей взаимной противоречивости: сквозь фасад становящегося глобальным “Pax Americana” явственно просматривались и контуры многополярного мира¹⁸.

¹⁸ Тематике глобализации и структуры миропорядка посвящены три книги одного из крупнейших американских политологов и идеологов внешнеполитического курса США З. Бжезинского: «Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы» (М., 2010); «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» (М., 2010) и «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (М., 2010). Интересно отметить, что если в первой книге, изданной впервые в 1998 г., концепция однополярного мира во главе с США проходит красной нитью через всю работу, то уже в более поздней, написанной в период правления Дж. Буша-младшего книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» картина мира видится ведущему американскому идеологу уже не такой однозначной: «Однако эта беспрецедентная комбинация (глобализации и доминирующей роли США в мире. – К. Т.) включает два критически важных фактора, может быть, даже противоречия: во-первых, между динамикой процесса глобализации и заинтересованностью США в сохранении собственного суверенитета и, во-вторых, между демократическими традициями Америки и обязанностями власти. Америка провозглашает плодотворные и отвечающие интересам всего мирового сообщества блага глобализации, но сама соблюдает эти правила главным образом тогда, когда это ей выгодно. Она редко признает, что глобализация расширяет и укрепляет ее собственные национальные преимущества, даже несмотря на то, что эта глобализация порождает бурлящее и потенциально опасное недовольство в мире. Кроме того, американская глобальная мощь противоречит американской демократии, как внутренней, так и экспортированной. Внутренняя американская демократия затрудняет осуществление национальной мощи на международной арене, и наоборот, глобальная мощь Америки может создать угрозу демократии в США. Более того, Америка, считая себя историческим поборником демократии, подсознательно экспортирует демократические ценности по каналам глобализации. Но это порождает в мире ожидания, которые плохо согласуются с иерархическими требованиями гегемонистской державы. В результате действия этой двойственной диалектики Америке все еще необходимо определить собственную роль в мире, причем такую, которая выходила бы за пределы противоречивых факторов глобализации – демократии и доминирующей державы» (с. 162–163). Сквозь этот в целом апологетический по отношению к роли США в мире текст явно просматривается констатация факта, прослеживаемого и в других местах книги – признание неоднозначности однополярной конфигурации мира с доминирующей ролью США и неприятное для американского идеолога видение того, как сквозь эту проекцию однополярного мира начинают проступать контуры многополярности. Этот лейтмотив еще более усиливается в третьей книге, о чем свидетельствует уже само ее название «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы».

Особенно наглядно эта взаимопротиворечивость и даже взаимоконфронтационность этих двух тенденций проявляла себя в конфликтных ситуациях, которые имели или приобретали глобальное измерение. В последние три десятилетия вплоть до событий «арабской весны» наиболее крупными из таких ситуаций были три: 1) балканский кризис; 2) события 11 сентября и последовавшая за ними афганская экспедиция; 3) оккупация Ирака.

Исход балканского кризиса выглядел как безусловная победа линии США, НАТО и Евросоюза, причем все три субъекта, за исключением отдельных нюансов, выглядели как практически единая, внутренне солидарная сила; четко просматривалась также и лидирующая роль Соединенных Штатов. Однако если обратить внимание на то, что именно в результате такого исхода балканского кризиса Китай и Россия выпали из общей картины однополярного мира, при том, что Китай именно в этот период стал превращаться по ряду параметров во второй по значению страновой центр, а Россия стала быстро восстанавливать свое значение в качестве одного из мировых центров, картина не будет выглядеть столь однозначной. Нельзя не отметить и того, что после балканского кризиса (а точнее, уже на его исходе) произошло существенное укрепление Евросоюза как политической силы, явное отмежевание его интересов от интересов Соединенных Штатов и превращение в самостоятельный мировой центр силы, гораздо менее зависимый от США и уж, во всяком случае, гораздо менее склонный в каждом случае послушно следовать в фарватере американской политики.

События 11 сентября вызвали широкую волну солидарности с Соединенными Штатами, в стороне от которой не осталась практически ни одна из значимых стран мира. Благодаря этой солидарности оказался столь успешным первый этап военной экспедиции в Афганистане, завершившийся разгромом талибов и созданием коалиционного правительства при поддержке международных вооруженных сил. Вряд ли стоит забывать при этом о ключевой роли, которую сыграла Россия и союзные с ней страны Центральной Азии – не только в тыловом обеспечении операции в Афганистане, но и в прямой помощи, оказанной ими Северному альянсу, без ведущего участия которого взятие Кабула и разгром талибов были бы невозможны. Менее акцентировалась мировыми СМИ тыловая поддержка, оказанная международным силам со стороны Китая, но тем не менее вряд ли стоит и ее обходить вниманием.

При этом и Россия, и Китай, и страны Центральной Азии исходили не только (а в китайском и центральноазиатском случаях, пожалуй, и не столько) из солидарности с США, но и из собственных национальных интересов, которым уже значительное время угрожал международный терроризм с главным очагом в Афганистане, руководимым талибами и «Аль-Каидой».

Ирония первых трех лет третьего тысячелетия, ознаменовавшихся трагедией 11 сентября, разгромом талибов, изоляцией «Аль-Каиды» и относительным на тот период умиротворением Афганистана, заключается в следующем.

С одной стороны, формально лидерство США в однополярном мире еще более укрепилось, возросло почти до абсолюта, что как раз и подчеркивалось афганской операцией, планирование и осуществление которой происходило под никем не оспариваемым руководством США и при гармоничном участии (прямом или косвенном) большинства значимых стран и регионов мира. Помимо стран НАТО, России, Китая, Центральной Азии, Пакистана, то или иное место в урегулировании в Афганистане и вокруг него нашлось и Японии, и Индии, и ряду арабских государств, и даже находящемуся с США в непростых, мягко говоря, отношениях Ирану.

С другой стороны (и это вполне можно расценивать как один из важных эффектов глобализации), события 11 сентября впервые после Перл-Харбора продемонстрировали уязвимость США, что само по себе подтачивало и подвергало сомнению абсолютность их мирового лидерства.

С учетом этого обстоятельства разделение ответственности в ходе афганской операции выглядит несколько иначе. Как отмечалось ранее, наряду с солидарностью с США здесь имело место и совпадение интересов, стратегическое в отношении глобального терроризма, но лишь тактическое в своем конкретном выражении – поддержке американской политики. Иначе говоря, контуры многополярности здесь почти не проявились эксплицитно, но имплицитное их присутствие лишь усилилось.

Из этой ситуации были сделаны разные выводы.

Тогдашнее республиканское руководство США, явно переоценивая прочность и стратегическую глубину солидарности с Соединенными Штатами, решило использовать этот фактор и для нанесения следующего (упреждающего, как оно полагало) удара по терроризму, и для закреп-

ления своих лидирующих позиций в мире. Именно эти мотивы, а вовсе не утилитарно понимаемый «нефтяной фактор», надо полагать, были решающими при разработке и осуществлении операции в Ираке.

Но тут-то и обнаружилось глубокое расхождение интересов США и других мировых центров, которые, накопив значительный потенциал самодостаточности, не испытывали более потребности в абсолютном лидерстве США (в котором так нуждалась, например, Западная Европа периода «холодной войны» или страны Восточной Европы в период становления посттоталитарной государственности), ни даже в относительном, как гармонизатора международных отношений. В этом смысле вряд ли будет большим преувеличением сказать, что мир вступил в иракскую войну, будучи однополярным, а вышел из нее в многополярной конфигурации.

Многополярность современного постиндустриального мира нередко понимается довольно одномерно – как наличие стационарных полюсов в виде крупнейших страновых и региональных центров, вокруг которых формируется геополитическое пространство. Разумеется, этот компонент мировой геополитической конфигурации является очевидным элементом развивающегося миропорядка. Но дело этим не ограничивается. Наряду со стационарными полюсами складываются и полюса подвижные, дрейфующие в виде региональных и надрегиональных союзов, носящих нередко ситуационный характер, причем границы таких полюсов могут взаимопереплетаться, подобно геологическим платформам «наезжать» друг на друга. Именно этот фактор придает, пожалуй, наибольшую динамику многополярности, и во многом именно он и создает эффект ее многомерности.

Проявление стационарных полюсов начиная с середины первой декады XXI столетия уже существенным образом изменило характер картины современного мира. Примечательно, что их очертания в известной мере перекликаются с мировой панорамой, обрисованной в книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹⁹, хотя и не полностью совпадают с ней. Действительно, в современном мире можно выделить восемь основных полюсов, имеющих в конечном счете в том числе и цивилизационное измерение. Эти полюса – США, Евросоюз, Китай, Япония, Индия, Бразилия, Россия и исламский мир.

¹⁹ Huntington S. Op. cit.

Что касается Китая, Японии, Индии, Бразилии и России, все они еще недавно расценивались, а порой и до сих пор расцениваются как региональные державы, иначе говоря, их вес представлялся достаточным для доминирования в соответствующих регионах, но явно недостаточным для того, чтобы претендовать на статус мировых держав, а в качестве единственной мировой державы выступали Соединенные Штаты.

На сегодняшний день такая оценка в отношении упомянутых выше пяти государств представляется явно недостаточной. Суммарный потенциал каждой из них явно выходит за узко региональные рамки, а воздействие на мировую политику приобретает глобальное измерение.

Это достаточно очевидно в отношении Китая, который вышел на второе место в мире по уровню ВВП, третье по военно-стратегическому потенциалу, превратился в «мировую мастерскую», и занимает первое место в мире по золотовалютным запасам. Если этого кому-то представляется недостаточным для того, чтобы характеризовать КНР в качестве мировой державы, следует обратить внимание на растущее присутствие Китая в АТР, на Африканском и Южноамериканском континентах, на постсоветском пространстве, активную роль в решении европейских финансово-экономических проблем и, наконец, его позицию крупнейшего кредитора США.

По сравнению с Китаем позиции Японии выглядят более скромными, особенно на фоне экономических и других неурядиц, постигших эту страну в течение последних двух десятилетий. Однако при этом Япония остается третьей экономической державой мира, а по уровню научно-технического и технологического прогресса находится на ведущих позициях, во многом определяя его наиболее перспективные направления. Это обстоятельство во многом предопределяет вес и роль Японии не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и инкорпорированность в экономическую и технологическую жизнь США и Западной Европы, технологическое присутствие практически на всех континентах. Помимо всего прочего, уровень технологического развития, как уже показал опыт, дает Японии возможность в случае необходимости чрезвычайно быстро наращивать и военный потенциал на тех направлениях, которые по меньшей мере обеспечивают национальную безопасность.

Быстрорастущий экономический и военный потенциал Индии уже со всей очевидностью вывел ее за рамки чисто региональной державы, а вхождение в постиндустриальный мир с таким продуктом, как программное обеспечение компьютеров, по экспорту которого она вышла на ве-

душие позиции, показывает, что страна занимает в современном мире важную нишу, обеспечивающую одно из заметных мест в процессе глобализации. Эти и другие компоненты индийского суммарного потенциала делают ее присутствие в глобальном театре политических отношений все более ощутимым.

Становится все более очевидным и то, что Бразилия, занимающая доминирующие позиции на Южноамериканском континенте, выходит в экономическом, технологическом и военно-политическом отношении за его рамки, оказывая растущее влияние на общемировые процессы.

Несмотря на падение своего потенциала по сравнению с СССР, Россия лишь на короткое в историческом измерении десятилетие опустилась на противоестественное для нее положение региональной державы. Противоестественное – хотя бы потому, что даже с географической точки зрения ее значение никак не может ограничиваться региональными рамками. Являясь крупнейшей по территории страной мира, которая занимает значительные территории двух континентов и непосредственно граничит с третьим, выходит в акватории трех из четырех мировых океанов, она даже в силу обеспечения собственной национальной безопасности вынуждена выходить на уровень мировой политики.

При этом, даже в том сложном политическом, экономическом и социальном положении, в котором она находилась в первое десятилетие постсоветского существования, в военно-стратегическом отношении Россия продолжала оставаться второй по своему потенциалу державой мира. Причем дело не только в количестве: военно-стратегический потенциал России был и остается таким, что обеспечивает ей ракетно-ядерный паритет с США, паритет взаимного гарантированного уничтожения.

Сейчас, когда экономический потенциал России относительно восстановлен – по крайней мере до такой степени, что она вернулась в шестерку стран с наибольшим ВВП, вышла на одно из первых мест по золотовалютным резервам, по ряду позиций выходит на колею технологического обновления, а положение ресурсной сверхдержавы дает потенциальные возможности дальнейшего развития, возвращение ее в ранг мировой державы можно считать в достаточно определенной мере свершившимся фактом²⁰.

²⁰ Эти черты России были отмечены, в частности, еще в 2001 г. в докладе «Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте», представленном рядом видных представителей российской академической науки В.В. Журкиным, А.А. Кокошиным, Н.П. Шмелевым, В.М. Мильштейном, С.М. Роговым и др. (позже изданном

Особенностью Евросоюза является то, что он представляет собой наднациональное, надстрановое объединение, в наиболее завершенном виде олицетворяющее принявшую глобальный характер тенденцию становления региональных объединений, поскольку он стал пока единственным региональным объединением, где интеграционный процесс принял не только торгово-экономический, но и политический характер. Сегодня, когда ЕС переживает один из наиболее критических периодов своего развития, особенно слышны голоса скептиков по поводу его перспектив и даже просто дальнейшего существования. Стоит, впрочем, напомнить, что это далеко не первый критический момент, а скептицизм неизменно сопровождал этот интеграционный проект со времени его изначального зарождения в виде Объединения угля и стали, да и в дальнейшем, когда стали обрисовываться контуры Европейского экономического союза.

Сегодняшняя реальность, однако, такова, что ЕС представляет собой достаточно гомогенное не только в экономическом, но и политическом отношении наднациональное объединение с единой законодательной и обретающей все более отчетливые очертания исполнительной властью, едиными границами, расширяющейся зоной единой паспортной системы и единой валюты. По суммарному экономическому и экспортному потенциалу он занимает первое место в мире, серьезно опережая США. А введение евро создало новую ситуацию, когда впервые за послевоен-

в виде книги с аналогичным названием): «Во-первых, Россия была и остается вместе с Соединенными Штатами ядерной сверхдержавой. Их стратегический ракетно-ядерный потенциал многократно превосходит возможности всех других держав, обладающих ядерным оружием, вместе взятых. Несмотря на все экономические трудности, переживаемые Россией, это соотношение сохранится как минимум на ближайшее десятилетие. Во-вторых, в ходе развернувшейся антитеррористической кампании четко выявилось, насколько велика роль России в борьбе против международного терроризма. В-третьих, Россия была и остается на весьма дальнюю перспективу мощнейшим производителем всех основных видов энергоресурсов... По мере экономического подъема Россия будет набирать силу и как экспортер современной промышленной, прежде всего наукоемкой продукции. В-четвертых, развитие рыночной экономики в России призвано расширить сферу современного мирового хозяйства и послужить позитивным вкладом в процессы его глобализации. Россия является растущим рынком для ведущих стран Запада – государств Европы и США, а также Китая, Японии, Индии и других крупных стран Востока... В пятых, геополитическое значение России диктует необходимость как минимум считаться с ней» (Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте. Академик РАН В.В. Журкин. Введение (www.ieras.ru/pub/ZhurkinV_1.txt)). Следует отметить, что за истекшие годы эти характеристики не только не утратили своего значения, но некоторые из них существенно усилились, а другие, как, например, ядерный потенциал, сохранились не только в своем абсолютном, но и относительном значении.

ный период появился реальный конкурент доллара в виде мировой резервной валюты. Все это несомненно придает ЕС черты одного из важнейших мировых полюсов.

Когда исламский мир выделяют в качестве одного из мировых полюсов, это вызывает определенные и, нельзя сказать, что необоснованные сомнения. Действительно, хотя, с одной стороны, это обширнейший регион, простирающийся от Атлантического океана до южной части тихоокеанского побережья с населением более миллиарда человек, являющихся наследниками великой цивилизации и связанных в своем большинстве глубокой, иногда доходящей до фанатизма верой в свою религию и в свое историческое предназначение, однако, с другой стороны, это конгломерат чрезвычайно разных по любым меркам государств, терзаемых клубком внутренних, межстрановых, межрегиональных и межконфессиональных противоречий. Кроме того, вопрос стоит и о том, насколько эти страны не то чтобы уже вписались, а вообще в состоянии в обозримом будущем вписаться в постиндустриальную эпоху. Причем речь не только о наиболее бедных и отсталых странах, таких, как, например, Сомали, Мавритания или Йемен, которые по уровню душевого дохода и социально-экономического развития стоят практически в одном ряду только со странами тропической Африки и наиболее бедными островными государствами Тихоокеанского и Карибского бассейнов. Однако даже в отношении богатых стран, таких как Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ, или стран среднего уровня развития, таких как Египет, Тунис, Алжир, Марокко, Иордания, актуален вопрос о том, в какой мере они могут стать субъектами, а не только объектами глобализации – в состоянии ли они производить, а не только потреблять высокотехнологичные продукты.

И все же существует ряд серьезных аргументов в пользу того, чтобы считать исламский мир одним из глобальных полюсов. Прежде всего, это характерная для каждого из мировых полюсов тенденция к расширению своего геополитического пространства. Причем экспансия исламского мира по своим масштабам сравнима разве что с китайской, а в физическом, самом прямом геополитическом смысле, очевидно, и превосходит ее. Во-первых, это расширение ареала исламского мира в сторону тропической Африки, происходящее чрезвычайно быстрыми темпами и не имеющее четко очерченных пределов (в отличие, например, от Евросоюза, пределы расширения которого начинают отчетливо проступать). Во-вторых, это реисламизация значительной части постсоветского про-

странства – Центральной Азии, Азербайджана, Северного Кавказа и Поволжья (Татарстан, Башкирия), а также Балкан (Албания и Босния). Наконец, в-третьих, это постоянное расширение присутствия исламских иммигрантских масс в Западной Европе, во внутренней части России и в меньшей пока степени на американском континенте.

Наличие природных ресурсов (для исламского мира это прежде всего нефтегазовые богатства) само по себе еще не создает современного ресурсного потенциала, однако стоит приглядеться к тому, что происходит с их прямым производным – финансовым потенциалом исламского мира. Именно по этому параметру – не просто наличию финансов, а участию в мировых финансовых потоках, – наиболее богатые страны исламского мира (прежде всего Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар и Оман, но в известной мере также Индонезия и Малайзия) играют значительную, не всегда достаточно оцененную роль в глобальном торгово-финансовом обороте, исламские банки занимают значительное и растущее место не только в региональной, но и в мировой финансовой системе, осуществляя свое присутствие в большинстве ведущих стран мира, а целый ряд представителей перечисленных стран стали органической частью мировой финансовой элиты.

Именно это обстоятельство и является одним из главных вкладов исламского мира в процесс глобализации и возможной предпосылкой его органического вхождения (по крайней мере в наиболее развитой своей части, что для Малайзии, к примеру, уже стало реальностью, а для Турции – достаточно близкой перспективой) в постиндустриальный мир.

Одной из очевидных характеристик многополярного мира является разнохарактерность описанных полюсов – до такой степени, что современная многополярность вряд ли поддается ранжированию, за исключением выделяющейся роли США, что и способствует сохранению, наряду с многополярной проекцией, и проекции однополярного мира. Однако последняя имеет тенденцию к ослаблению, в то время как многополярная проекция усиливается.

Ряд аналитиков считает, что мультиполярный тренд не только снижает уровень предсказуемости развития мировых событий, но и таит в себе усиливающуюся конфликтогенность современного мира. Подобную точку зрения высказывал, в частности, директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов.

Совершенно очевидно, что такой подход не лишен логики и имеет исторические обоснования. В частности, тот же С.М. Рогов отмечал, что

сегодняшняя ситуация напоминает ему ту, что складывалась в Европе в XIX в. после Венского конгресса 1815 г. и в конечном итоге привела к мировому конфликту.

Достаточно очевидно и то, что в последние десятилетия наметилась явная тенденция к усилению локальных конфликтов, причем таких, в которых, как правило, оказываются задействованы США и другие крупнейшие державы, что порождает возрастающую тревогу мировой общественности по поводу возможности глобального конфликта.

Вместе с тем в преддверии такого конфликта многополярность сменялась тенденцией к биполярности, что характерно для многих исторических периодов, не исключая и периодов в преддверии и самого течения обеих мировых войн XX в. Что касается устойчивости биполярной системы ялтинского мира, просуществовавшей с 1945 по 1991 г., вряд ли стоит забывать, что она базировалась на «равновесии страха» – на ядерном, а затем на ракетно-ядерном паритете СССР и США, на концепции гарантированного взаимного уничтожения в случае глобального конфликта.

Это «равновесие страха» как фактор снижения вероятности глобального конфликта никуда не исчезло и в нынешнем многополярном мире. Однако снижение угрозы глобального конфликта основывается еще и на том, что многополярность в условиях глобализации носит многомерный характер, не ограничиваясь только наличием обозначенных выше стационарных полюсов.

В качестве глобальных полюсов, помимо этого, выступают различные международные объединения, выходящие за рамки региональных организаций, либо охватывающие столь обширные регионы, что они приобретают глобальные измерения. Разумеется, в качестве примера подобной организации выступает НАТО, военно-политический блок, объединяющий страны Северной Америки, Западной и Центральной Европы, но распространяющий свое влияние и реальный театр действий далеко за пределы этих регионов. Как военно-политический блок НАТО после ликвидации Варшавского договора не имеет аналогов нигде в мире. В этом смысле НАТО остается элементом (и инструментом) однополярного мира.

Вместе с тем влияние НАТО в определенной мере уравновешивается наличием целого ряда организаций внеблокового характера, которые так или иначе ограничивают сферу его действий. Это и Совет «Россия – НАТО», и «восьмерка», а с недавних пор и «двадцатка», где принимают

ся стратегические экономические и политические решения, носящие глобальный характер и где влияние США не является столь доминирующим, как в НАТО. Это АСЕАН, охватывающая регион, в который уже переместился основной центр мирового производства и торговли. Это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которую иногда рассматривают как некий противовес НАТО, что не совсем правомерно, поскольку, несмотря на наличие элемента, связанного с обеспечением безопасности, организация явно не носит блокового характера, но, если учесть не только членов ШОС (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), но и наблюдателей (Индия, Монголия, Афганистан, Иран, Пакистан), влияние этой организации выходит за региональные рамки. Наконец, это БРИКС, организация, объединяющая Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР – страны, достаточно широко представляющие мировую географию.

Эта картина миропорядка, находящаяся в постоянной динамике, показывает, что процесс глобализации приводит и уже во многом привел к изменению существовавшей еще недавно мировой системы координат, к постоянному изменению акцентов мировой политики, что оказывает воздействие на внутренние процессы, происходящие в различных обществах, и от этого воздействия не может дистанцироваться, как это не раз раньше было в истории, ни одна страна и ни один регион. Вместе с тем эта многомерная картина показывает многосторонность воздействия мировых факторов на региональные и внутристрановые процессы, в силу чего было бы чрезмерным упрощением представлять, что эти процессы есть результат воздействия лишь одной, пусть и самой мощной державы или только небольшой группы западных стран.

Глобализация и процессы изменения политических структур

Ставшие общим местом в современной политологии описания того, как глобализация разрушительным образом действует на государственные структуры, нередко представляются слишком абстрактными, далекими от реальной политической жизни.

Чтобы понять, что угрозы со стороны глобализации существующему государственному и общеполитическому статус-кво вовсе не пустой звук

и что они несут с собой предвестие грядущих существенных перемен, достаточно напомнить о двух хорошо известных событиях, разделенных десятилетием, первое из которых было воспринято большинством мировой общественности как трагедия, а второе – по крайней мере какой-то ее частью – как казус. Первое – террористическая атака «Аль-Каиды» на здания Международного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., второе – скандальные публикации секретных материалов США и ряда других стран на сайте WikiLeaks.

Тем не менее если внимательно присмотреться к реакции государств и правительств (в первую очередь, речь в данном случае идет о реакции администрации США, хотя, впрочем, не только – довольно схожей была и реакция ряда других правительств западных стран), то мы обнаружим, что она в обоих случаях была весьма схожей. И в том, и в другом случае она сводилась к следующему: 1) наказать злодея (в первом случае «Аль-Каиду» и Усаму бен Ладена, во втором – Джулиана Ассанджа); 2) ужесточить меры безопасности (в первом случае эти меры вовсе не ограничились усилением безопасности в аэропортах, привели к созданию в США Министерства национальной безопасности, объединившего в единый кулак все спецслужбы, а также к существенному ущемлению гражданских прав: прослушиванию телефонных разговоров, усилению слежки за выходцами из исламских стран, превентивным арестам, похищению некоторых из них агентами ЦРУ и пыткам в местах предварительного заключения; во втором случае речь идет о существенном ужесточении контроля за Интернетом, соответствующие законы разрабатываются в США и Великобритании, но еще до их принятия спецслужбы не только этих двух, но и ряда других стран фактически приступили к значительному усилению контроля за Интернетом, а после выступлений 2011 г. в особой степени за социальными сетями).

Почему же реакция государств на столь разные по своему непосредственному смыслу события оказывается столь однородной: как на угрозу национальной безопасности?

Очевидно, что это происходит потому, что они в обоих случаях рассматриваются как действия, наносящие удар по существующей системе коммуникаций, по ее инфраструктуре.

Следует обратить внимание и на то, что в ходе событий «арабской весны» совершенно схожим образом действовали и правительства арабских стран – Египта, Туниса, Ливии, Сирии и Саудовской Аравии: блокировали вещание телесетей, Интернета (прежде всего социальных се-

тей), мобильных телефонов. Другое дело, что в Саудовской Аравии и Сирии электронные и интернет-СМИ, телефонные переговоры удалось в значительной мере поставить под контроль, а в Тунисе, Египте и Ливии – нет, и это стало одним из важнейших факторов падения правивших там режимов.

Однако, независимо от того, насколько удачны эти действия правительств с точки зрения сохранения существующих режимов и вообще существующего порядка, встает вопрос о том, насколько они эффективны в стратегическом плане и насколько они адекватны.

С точки зрения теории политических систем, речь здесь идет о функции реагирования, причем реагирования на то, что Д. Истон называл “disturbances”, т.е. «раздражающие воздействия» со стороны окружающей среды. Так вот, одним из важных свойств глобализации является то, что с многократным увеличением разнообразия способов коммуникации и вместе с тем количества самой разнообразной, в том числе противоречивой информации столь же многократно возрастают и упомянутые «раздражающие воздействия». Это ощущает на себе практически каждый человек, но сходное воздействие обнаруживают на себе и человеческие общности, коллективы и в конечном счете социальные и политические системы.

Последствия этого воздействия на политическую жизнь трудно переоценить. Любое политическое действие происходит в медийном поле. Хотя бы в этом смысле понятие «четвертая власть» перестает быть метафорой: любой политический деятель и политический институт осуществляют свою деятельность через средства массовой коммуникации, в первую очередь электронные. Причем в последнее время это происходит не только через телевизионный экран, но все в большей мере через Интернет²¹. Но тем самым медийное пространство в определенном

²¹ По данным Фонда «Общественное мнение», число интернет-пользователей на осень 2011 г. в Великобритании, Австралии, Германии, Японии и США варьировалось соответственно между 82% и 78% взрослого населения. Россия с 47% несколько отстает от наиболее развитых стран, но этот разрыв в течение последних двух лет стремительно сокращался (осень 2009 г. было 34%). По этому показателю она вплотную подошла к Италии (49%) и значительно опережает Бразилию и Китай (37 и 36% соответственно). Приближение числа пользователей в нашей стране к половине населения означает, что по этому важнейшему параметру она вступила в постиндустриальную эпоху, и это уже имеет далеко идущие политические последствия, учитывая тот факт, что приведенное число пользователей ясно указывает на то, что Интернет как канал получения информации, в том числе политической, перестал быть уделом лишь узкого слоя политической

смысле поглощает сферу политики и существенно преобразует ее, превращая политиков и политические институты в «актеров» (т. е. в действующих лиц и актеров одновременно)²² медийного поля, устраняя абсолютность иерархий в политическом устройстве – как личностных, так и институциональных.

Качество способности реагировать просто не может спонтанно, автоматически столь же стремительно и многократно меняться, сколь многократно возрастает мультипликация коммуникационных каналов и систем, а главное, распространяющейся по ним противоречивой информации.

Отсюда разрыв между коммуникационным воздействием и заключенным в нем информационным потоком, с одной стороны, и возможностью реагирования на него со стороны политических систем, с другой, является одним из важнейших проявлений процесса глобализации, причем проявлением критическим, т.е. способным порождать и, как правило, порождающим критические состояния в политической жизни.

При этом, поскольку функция реагирования напрямую связана с функцией адаптации, представляя собой механизм прямого и обратного действия по отношению к последней, совершенно очевидно, что скорость и адекватность реагирования является одним из важнейших показателей возможности адаптации политических структур и политических систем к процессу глобализации²³.

элиты. Приведенные данные взяты из статьи А.А. Ослона «Апология умной толпы». См.: НГ-Сценарии. 2012. 28 февраля.

²² Собственно, понимание политических структур в качестве «актеров» возникло еще до глобального медийного взрыва второй половины XX в. Г. Алмонд справедливо связывал его с «бихевиористской революцией» (См.: Политическая наука: новые направления. М., 1998). Бихевиористы, прежде всего Г. Лассуэл, Ч. Мериам и др., синтезировали ряд подходов структурализма и психоанализа с теоретическими выводами из конкретной социологии, выработали подход к политическим структурам с позиции поведения индивидов и групп людей, что и придало им вид не застывших структур, а действующих (коллективных и индивидуальных) лиц политики, продолжив и углубив тем самым те динамические подходы к изучению политики, которые еще в XIX в., каждый по своему, наметили К. Маркс и Ф. Ницше. Именно бихевиористы и ввели в политологический обиход понятие «актеров», ставшее выражением описанного подхода к политическим структурам. Вместе с тем это понимание было все же уделом достаточно узкого слоя профессионалов. Медийный взрыв, однако, расширил рамки поля этого понимания до более широкого слоя политически активных людей, что стало особенно очевидным после второй волны медийного взрыва, связанного со всеобщим распространением Интернета.

²³ Д. Истон приводил следующее понимание связи между реагированием и адаптацией: говоря о реагировании политической системы на раздражающие воздействия окру-

Нетрудно заметить, что одним из главных эффектов действия глобальных коммуникационных систем стало существенное снижение веса и значения вертикальных коммуникационных связей при одновременном усилении роли и значения горизонтальных. В политической практике это означает прежде всего далеко идущий вызов иерархически организованным политическим структурам, каковыми являются в первую очередь государства и политические партии.

Из этого было бы по крайней мере преждевременным сделать вывод, что уже начался предсказанный К. Марксом и пропагандируемый анархистами в течение полутора столетий процесс отмирания государства. Скорее, практически все государства мира оказались перед исторически новой для них дилеммой: либо становиться существенно более гибкими, готовыми к стиранию граней и объединению с ближними и более отдаленными соседями, либо обречь себя на деструктивные, разрушительные процессы вплоть до состояния «несостоявшегося государства» (“failed state”). Причем одним из главных условий успешного развития, включая способность к интеграционным процессам, становится внутренняя гибкость государственных структур, способность адаптироваться к быстро меняющемуся социально-политическому ландшафту.

Эта дилемма, пусть и в несколько ином конкретно-политическом ракурсе, стоит и перед политическими партиями.

Во-первых, проводившиеся в целом ряде стран Западной Европы в течение последних двух десятилетий XX в. социологические опросы, в частности по методике «демократического аудита», свидетельствовали о последовательном снижении уровня доверия к сложившимся традиционным политическим партиям. Эта тенденция имела продолжение и в первом десятилетии нынешнего столетия.

Во-вторых, эта тенденция в наибольшей степени затронула массовые партии. Описанные в свое время М. Дюверже как более поздний, более сложный и более совершенный партийный механизм по сравнению с предшествовавшими им по своему генезису кадровыми партиями²⁴ в последние три десятилетия массовые партии пережили сложный критиче-

жающей среды, он подчеркивал, что имеет в виду не простое реагирование, а такое, которое способно менять и саму систему, и окружающую среду, и то и другое вместе. См.: Easton D. *The Political System*, 1953.

²⁴Подробнее о массовых и кадровых партиях см.: Дюверже М. *Политические партии*. М., 2000.

ский период в своем развитии именно в силу того, что обладали более жесткой иерархической вертикалью.

Наиболее ярким примером в этом отношении служит Италия, где в течение четырех послевоенных десятилетий на политическом пространстве доминировали две массовые партии – христианские демократы и коммунисты. Однако во второй половине 80-х годов обе партии пережили жесточайший кризис, и их доминирование было буквально сметено стремительно ворвавшейся на политическую арену совершенно исторически нетипичной для итальянского ландшафта кадровой партией «Вперед, Италия!» во главе с С. Берлускони. О том, насколько успешным был этот взлет, свидетельствует хотя бы то, что кабинет министров, сформированный этой партией, находился у власти беспрецедентно долго за всю историю послевоенной Италии. Следует отметить и тот факт, что этот период, когда у власти находилась партия «Вперед, Италия!» и сформированные ею политические альянсы (включая и эпизоды с приходом к власти оппозиционных ей сил), сопровождался переформатированием всего партийно-политического пространства страны.

Тем же массовым партиям, которым удалось удержать свое влияние на политической арене – таким как христианские демократы и социал-демократы ФРГ, социал-демократические партии Скандинавских стран, социалисты во Франции, лейбористы и консерваторы в Великобритании, – пришлось пережить достаточно сложную структурную эволюцию, сопровождавшуюся существенным ослаблением жесткой иерархии и усилением горизонтальных связей.

В-третьих, традиционные политические партии, начиная с конца 60-х годов испытали на себе конкуренцию новых политических сил.

Уже первый этап становления глобальных коммуникационных систем, пришедший на этот период, совпал с появлением и бурным развитием массовых молодежных движений (а в значительной мере именно он и породил их), имевших слабо выраженную («плавающую») иерархичность, но обладавших гибкими и стремительно нарастающими горизонтальными связями. Культурная трансграничность этих движений имела, среди прочего, и эффект политической транснациональности, причем и то, и другое стало возможным в условиях чрезвычайно быстрого, практически мгновенного тиражирования их активности через системы глобальной коммуникации. Прямым продолжением этой активности стало становление мощных правозащитных и экологических движений, ставших новым постоянным фактором национального политического ландшафта

подавляющего большинства стран Западной Европы и Северной Америки, а целый ряд этих движений превратился в транснациональные организации с глобальным влиянием – такие как “Amnesty International”, “Human Rights Watch”, “Greenpeace”, «Врачи без границ».

Помимо того, что само по себе появление и развитие этих движений существенно изменило содержание и характер политических систем западноевропейских и североамериканских обществ, оно повлияло еще и на изменение их партийного ландшафта. Особенно это относится к Западной Европе, где некоторые из этих движений либо непосредственно переросли в новые политические партии, занявшие прочное место в партийной системе – как Партия зеленых в ФРГ, либо стали играть определенную роль в межпартийных коалициях, подобно «новым левым» и их производным структурам в левом спектре партийной системы во Франции.

Нельзя не напомнить и о том, что эти структурно-функциональные сдвиги в характере политических систем не ограничились только западной частью европейского континента, но затронули, и довольно существенно, и его восточную часть. Прежде всего речь идет о Чехословакии, где демократическое движение, возникшее в 1968 г., довольно аморфное в структурном отношении, но изначально обладавшее относительно устойчивыми горизонтальными связями, было заглушено в условиях советской оккупации, но, как показали последующие события, отнюдь не задушено окончательно. Еще в большей степени это относится к Польше, где движение «Солидарность» именно за счет сильных горизонтальных связей и использования новых средств коммуникации (в тот период в первую очередь копировальной техники) получило опережающее преимущество в информационно-коммуникативной сфере по сравнению с действиями государственных структур. Именно это преимущество дало возможность «Солидарности» превратиться в неодолимую общенациональную силу, а затем и в основу нового партийно-политического спектра посттоталитарной Польши.

Перечисленные структуры, а также транснациональные корпорации, которые на политическом уровне выступили как мощные группы интересов, имеющие трансграничный характер, и явились по сути дела теми важнейшими, во многом определяющими политическими компонентами, из которых стала складываться глобализация как универсальный политический процесс.

Приведенные примеры изменения, эволюции политических структур показывают, как происходила адаптация к процессу глобализации уже на первой ее стадии. Кроме всего прочего, они демонстрируют и тот непреложный факт, что каждый раз этот процесс адаптации неизменно сопровождался прохождением через критические состояния, причем эти критические состояния переживали не только сами эти политические структуры, но и весь социум, и соответствующие политические системы.

Одним из важнейших проявлений этих критических состояний было напрямую связанное с процессом глобализации явление, описанное в литературе как «информационный шок». Для западных обществ он был связан в конце 60-х годов XX в. с прямой телевизионной трансляцией военных действий во Вьетнаме, что вызвало массовый всплеск антивоенных движений. Для жителей СССР и стран Восточной Европы всплеск информационного шока пришелся на период гласности, когда привычная одноканальная связь в короткий промежуток времени сменилась многоканальным потоком информации, в том числе критической, в которой подвергались сомнению и пересмотру установки, сложившиеся в жизни целых поколений. И этот поток информации явился одним из детонаторов процесса крушения существующего в этих странах политического порядка.

Однако эти критические состояния отнюдь не являются уделом только недавнего прошлого. Одним из таких критических состояний были события 11 сентября 2001 г., сопровождавшиеся глобальным информационным шоком, вызванным прямой трансляцией нападения на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. К ряду несомненных критических состояний можно отнести и глобальную социально-политическую турбулентность, охватившую 84 страны мира в 2011 г. А для арабских стран, оказавшихся в эпицентре этой турбулентности, роль детонатора событий в значительной мере сыграл информационный взрыв в социальных сетях, охвативший подавляющее большинство этих стран.

Но следует задаться вопросом, очевидно одним из главных для данной работы: почему в одних случаях, пусть через цепь проб и ошибок, порой приводящих к трагическим эпизодам, противостояния все же разрешаются путем эволюционного развития, а в других приводят к крушению существующего политического порядка?

Ответ на этот вопрос лежит в плоскости способности политических систем, государств адаптироваться к вызовам, которыми сопровождается процесс глобализации.

На первой стадии глобализации (в 60–70-е годы XX в.), как уже отмечалось, наиболее критическим ее воздействиям подверглись страны Запада – США и Западная Европа. Но они смогли адаптироваться к этим воздействиям не в последнюю очередь благодаря гибкости политических систем, которые оказались в состоянии аккумулировать в себя элементы контркультуры, определенную часть ее персональных носителей²⁵, возникшие на ее основе социально-политические структуры.

В отличие от этого страны советского блока оказались напрямую мало затронуты этими воздействиями, за исключением Чехословакии и Польши, однако события в этих странах относительно мировой социалистической системы в целом носили все же периферийный характер.

Но уже на следующей стадии глобализации (80–90-е годы XX в.) наиболее критическому воздействию оказались подвержены именно социалистические государства. И это воздействие стало для них роковым: запоздалые попытки придать большую гибкость политическим системам этих стран лишь ускорили крах.

Нынешняя стадия глобализации подвергает политические структуры и политические системы новым рискам, среди которых:

1. Беспрецедентная по своим масштабам и возможностям угроза терроризма в связи с коммуникационными возможностями мгновенного преодоления любых пространств, просачивания на любую территорию, доступа к средствам массового поражения и возможности использования в качестве таковых транспортных средств, производственных, инфраструктурных и энергетических объектов, включая атомные электростанции, плотины, химические производства и пр.

2. Не менее актуальной, чем прямая, становится и косвенная угроза со стороны терроризма, заключающаяся в принятии государствами, подвергающимися террористической опасности, мер безопасности и других актов, ведущих к превращению их в «государства-крепости», с соответ-

²⁵ В США уже в администрации Дж. Картера нашли место в качестве советников президента некоторые участники молодежного протестного движения, а впоследствии один из участников антивоенного движения Б. Клинтон стал президентом страны. Еще более широко бывшие участники молодежного протестного движения оказались представлены в правящих кругах Западной Европы. Достаточно перечислить такие фигуры как бывшие английские премьер-министры Т. Блэр и Г. Браун, бывший канцлер ФРГ Г. Шредер и министр иностранных дел его правительства Й. Фишер. Все они отдали дань участию в молодежном протестном движении. А один из наиболее ярких лидеров майского молодежного восстания в Париже в 1968 г. Д. Кон-Бендит является сегодня депутатом Европарламента от фракции зеленых.

ствующими ограничениями прав и свобод граждан, вмешательством в их личную жизнь, возможностью их немотивированного ареста и применения к ним методов допроса, связанных с насилием над личностью. Эта тенденция была достаточно убедительно показана З. Бжезинским на примере США²⁶, но сходные тенденции проявили себе в политической жизни Франции, Великобритании и ряда других стран, а в России трагедия Беслана в 2004 г. была использована федеральной властью для отмены выборов глав субъектов Федерации.

3. Тенденция трансграничной синхронизации протестных сил, порожденная новыми коммуникационными возможностями. До определенного момента эта тенденция проявлялась в основном через антиглобалистское движение, которое, несмотря на свою широкую разрекламированность, надо признать, затронула все же относительно узкий сектор международной общественности.

Но уже цветные революции на постсоветском пространстве были отмечены значительной степенью скоординированности. Большинство российских аналитиков списывали этот фактор исключительно на искусственную координацию этих действий из единого зарубежного центра. Этот элемент в данных событиях, разумеется, был, но он оставлял в тени другую, отнюдь не менее важную сторону вопроса.

Однако, когда тот же подход был перенесен на анализ событий арабской весны, возникли куда более серьезные сомнения в его правомерности. Если рассматривать эти события в их полном объеме²⁷, а не выдергивать из ее контекста лишь отдельные страны, то выяснится, что приписывать США и Западу вообще исключительную роль в организации и координации этих событий, включая волнения в Саудовской Аравии, на Бахрейне, в Иордании и Кувейте (в последних двух странах вновь спорадически возникающие волнения продолжают по сей день) равносильно тому, чтобы обвинять западные государства в суицидальных наклонностях.

Отсюда со всей очевидностью следует, что необходимо различать объективный ход событий, включая и технологическую роль в них средств и каналов коммуникации, и то, каким образом те или иные политические

²⁶ См.: Бжезинский З. Выбор. Цит. соч. С. 227–239.

²⁷ Опыт такого анализа был предпринят мной в опубликованном в 2011 г. материале. См.: Труевцев К.М. Год 2001 – новая демократическая волна?: препринт. М.: ВШЭ, 2011.

силы используют или пытаются использовать эти реалии в своих интересах.

Еще более очевидно это стало в ходе волнений, которые охватили в 2011 г. значительное количество стран за пределами арабского мира, включая США и страны Западной Европы. Значительную роль в этих событиях сыграла акция «Захвати Уолл Стрит», которая в той или иной форме была растиражирована во многих странах мира. Распространение технологии этой акции через социальные сети носило характер эпидемии.

Нельзя не обратить внимания на то, что волнения 2011 г. имели определенное продолжение в 2012 г. в ходе волнений, охвативших страны Южной Европы – Грецию, Испанию, Италию, Португалию, которые к концу года стали носить все более скоординированный характер.

Таким образом, следует констатировать, что на нынешней стадии глобализации тенденция транснациональности, трансграничности протестных движений, организованных и координируемых через средства массовой коммуникации, прежде всего через Интернет, приобретает все более широкое распространение, становясь одним из закономерных явлений переживаемого периода.

4. Тенденция фрагментации многосоставных государств²⁸. Эта тенденция, которая на предыдущем этапе (90-е годы XX в.) ознаменовалась распадом ряда федеративных государств – СССР, Чехословакии, Югославии, – сегодня таит в себе реальную угрозу приобрести, если не тотальный, то, по крайней мере, очень широкий характер, охватив многие государства Европы, Азии, Африки и Америки.

Прецедент, который был создан отделением Косова от Сербии, был использован Россией после августовской войны с Грузией в 2008 г., посредством признания двух из четырех ранее непризнанных государств на постсоветском пространстве – Абхазии и Южной Осетии будет практически неизбежно использован в отношении Приднестровья в случае объединения Молдавии с Румынией или вступления ее в НАТО, причем даже на самой ранней стадии начала такого процесса. Дело идет и к признанию Нагорного Карабаха рядом латиноамериканских стран.

²⁸ Здесь я несколько расширительно употребляю термин, впервые использованный А. Лейпхартом в книге «Демократия в многосоставных обществах» (См.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997), имея в виду такие государства, общества которых разделены по этническому, конфессиональному, этноконфессиональному и федеративному принципам.

Если говорить о европейском континенте, процесс вовсе не ограничился территорией бывшей Югославии и постсоветским пространством. Тенденция распада Бельгии как единого государства вплотную подошла к грани необратимости. Великобритания находится накануне референдума о независимости Шотландии. Испания, десятилетиями ведшая борьбу против баскских сепаратистов, столкнулось с нарастающей волной сепаратизма в Каталонии, а теперь уже и в Галисии. Волна сепаратизма затронула даже такие, казалось бы, монолитные страны, как Италия и Германия, где возникла потенциальная угроза отделения соответственно Северной Италии и Баварии. Разумеется, большинство этих сепаратистских проектов пока что находится в гипотетической плоскости, но они демонстрируют общую тенденцию.

На этом фоне уже не кажутся чистой фантастикой и спекуляции по поводу гипотетического распада США: сегодня уже в семи штатах, включая такие важные как Техас, Алабама и Флорида, собраны подписи за выход из федерации.

Однако если в развитых странах этот процесс, даже если он примет широкомасштабный и при этом необратимый характер, все же имеет значительные шансы остаться в рамках того, что принято называть «цивилизованным разводом» (т. е. пойти по чехословацкому, а не по югославскому сценарию), то в большом массиве азиатских и африканских стран, в том числе в государствах арабского мира его развитию могут сопутствовать куда более мрачные прогнозы.

Одним из наиболее негативных последствий «арабской весны» стал фактический распад ливийского государства, который угрожает и далее сопровождаться длительным, возможно многолетним межрегиональным и межплеменным противостоянием. Прямым следствием ливийских событий стал раскол Мали и создание на ее территории исламистского очага, что создает в центре Африки и в подбрюшье арабского мира ситуацию, схожую с той, что была в Афганистане в период правления талибов. Малийский очаг затрагивает интересы практически всех стран Северной, Западной и Центральной Африки, таит в себе угрозу их внутреннему единству.

Схожая ситуация начинает складываться в Сирии и вокруг нее. Впервые, как считают некоторые арабские аналитики, в частности, профессор Бейрутского университета, депутат ливанского парламента Али Файяд, складывающаяся в стране патовая ситуация, когда ни одна из противоборствующих сторон не в состоянии одолеть другую, ведет к

разделению страны по этноконфессиональному принципу – на арабосуннитскую часть, с одной стороны, и часть, включающую все остальные конфессиональные и этнические группы, с другой, с возможным территориальным закреплением этого раскола²⁹.

Во-вторых, задействие курдского фактора в сирийско-турецком противостоянии уже привело к фактическому образованию курдской территориальной автономии с поголовно вооруженным населением и предоставлением сирийского гражданства турецким курдам. Эта территориальная автономия, являющаяся естественным географическим продолжением турецкого и иракского Курдистана, открывает прямой путь к созданию единого курдского национально-государственного очага, неподконтрольного ни одному из соответствующих государств.

Если к этому добавить, что фактор этноконфессионального противостояния затрагивает не только Сирию и Турцию, но и Ирак, Иран, Саудовскую Аравию и другие страны Персидского залива (а практически все они уже прямо или косвенно включены во внутрисирийский конфликт и практически все являются многосоставными), сценарий перерастания этого противостояния в широкомасштабный региональный конфликт достаточно близок к тому, чтобы пересечь границы вероятности.

Перечисленные тенденции являются серьезным вызовом существующим политическим структурам, прежде всего институту государства. Трудно назвать такие страны мира, которые были бы застрахованы от этих вызовов.

А.В. Облонский в своей книге «Кризис бюрократического государства»³⁰ ставит вопрос еще шире, выделяя причины падения авторитета государства в мире вообще: «Таких причин немало. Я выделю несколько, не претендуя на полноту перечня:

а) общий подъем политической культуры и политического сознания населения развитых стран, вследствие чего «просвещенные» граждане опасаются усиления государства, видя в этом угрозу возрождения тоталитаризма в новых версиях;

б) связанное с этим снижение уровня доверия к государственным институтам и государству вообще;

²⁹ Выступление А. Файяда в НИУ ВШЭ 15 ноября 2012 г.

³⁰ Облонский А.В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии М., 2011.

в) нарастающая неадекватность традиционных государственных институтов и методов управления вызовам современного мира;

г) продолжающаяся вопреки предыдущему фактору экспансия бюрократических амбиций, бесосновательно пытающихся представить государство главным «мотором» и действующим лицом всего общественного развития.

В результате совокупного действия этих факторов в последние десятилетия во многих странах, причем самых разных, происходит падение доверия к государственным институтам, в частности к государственному аппарату, упадок престижа госслужбы»³¹.

В течение последних двух десятилетий в странах Запада и ряде других стран мира происходит серьезный процесс пересмотра роли государства в общественно-политической жизни, его структуры и функций³², происходит постепенная трансформация государственных институтов в направлении их демократизации, усиления горизонтальных связей как внутри самих институтов, так и между ними и обществом, большая открытость и прозрачность системы государственного управления.

Тем не менее и эти государства продолжают сталкиваться с перечисленными вызовами глобализации и, как было уже показано в этой работе, нередко запаздывают с реакцией или неадекватно реагируют на них.

Но особенному риску в этих условиях подвергаются государства с жестко организованными вертикальными структурами, а это прежде всего страны с авторитарными режимами.

³¹ Там же. С. 16.

³² Там же. С. 45–60.

Препринт WP14/2012/06

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Труевцев Константин Михайлович

Глобализация как политический процесс

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 2,2
Усл. печ. л. 2,1. Заказ № . Изд. № 1532

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»